

Письма к И.И.Машкову

П. Кончаловский

Публикуемые письма Петра Петровича Кончаловского к Илье Ивановичу Машкову сохранились в архиве И. И. Машкова у его вдовы Марии Ивановны Машковой. Первое из этих писем датировано январем 1908 года, последнее — 1930 годом. Письма эти никогда прежде не публиковались, за исключением некоторых выдержек из них, использованных нами в книге «Илья Машков» (М., 1977), и письма 1925 года, принятого к публикации журналом «Искусство». К сожалению, нам остались неизвестными ответные письма И. И. Машкова*, весьма ценившиеся, как следует из публикуемых текстов, самим Кончаловским, но и в таком одностороннем виде эта переписка дает ценнейший документальный материал, важный для понимания путей творчества двух выдающихся мастеров советской живописи и особенностей развития так называемой московской живописной школы — тем более, если учесть, что архивы бубновалетского движения, существенно определившего лицо этой школы, не введены еще в обиход нашего искусствознания.

Открывающие публикацию самые ранние из известных нам писем — письма 1908 года — образуют целостный цикл. Все они написаны во время пребывания Кончаловского во Франции; переписка между Кончаловским и Машковым шла тогда почти непрерывно в течение года, за исключением того промежутка времени, когда они встретились в Париже. 1908 год был переломным в творческом развитии и Кончаловского и Машкова. Биограф Кончаловского В. А. Никольский писал так: «В 1908 г. произошло одно из самых значительных со-

бытий в творческой жизни Кончаловского, ибо к этому году относится рождение его живописи, начало его творческой жизни**». То же самое можно сказать и о Машкове, хотя позади у обоих к этому времени лежали уже долгие годы и учения, и попыток самостоятельной работы, а Машков еще и в 1909 году продолжал посещать Училище живописи, ваяния и зодчества. Понятно поэтому, как интересны нам документы этого времени. И письма Кончаловского в этом отношении не разочаровывают, ибо перед нами, говоря его собственными словами, — «серьезная переписка» «чистых художников». Это — «письма об искусстве». Немногие бытовые штрихи, в них встречающиеся (большей частью сохраненные в публикации), только оттеняют основной дух переписки.

П. П. Муратов говорил: «Кончаловский являет простое и в то же время редкое для нашей эпохи зрелище живописца за работой [...] Зрелище живописца в полноте сил и в разгаре работы — иным забытое, иным неведомое, для всех поучительное зрелище***». Уже письма 1908 года передают этот захватывающий ритм каждодневного труда. Но это не только работа за мольбертом — это активная мыслительная работа, сопровождающая и ведущая осуществление практических

* Кроме трех открыток 1908 года, сохранившихся у М. П. Кончаловского.

** В. А. Никольский. Петр Петрович Кончаловский. М., 1936, с. 35.

*** П. П. Муратов. Живопись Кончаловского. М., 1923, с. 20.

творческих усилий. Проткнув картину сложения «бубнововалетского» стиля Кончаловского (и в некоторой мере — Машкова), письма 1908 года заставляют внимательно отнестись к столь ответственному этапу в развитии обоих живописцев, не позволяя, в частности, с легкостью бросать им упреки в поверхностном подражании западным образцам или во «французомании». Эти письма к тому же расширяют наши представления о влияниях, испытанных этими художниками (Джотто, мастера раннего Возрождения — «праерафаэлиты», которых они открыли для себя уже в 1908 году)*. Сегодня, когда так много говорят о реминисценциях классических образцов в произведениях современных художников, можно оценить глубину понимания Кончаловским учения на «образцах» старых мастеров — с учетом потенциальной возможности роста («ведь на праерафаэлитах вырос и Тициан, и Веронез, и все чародеи Возрождения»). Отсюда понятнее становится его творческая эволюция и эволюция во вкусах от «праерафаэлитов» к высокому Возрождению (см. письмо Машкову от 1925 года). Письма 1908 года — выдающийся документ самоучения художника.

В переписке отразилась история зарождения дружбы молодых Машкова и Кончаловского (Машкову в 1908 году — 27 лет, Кончаловскому — 32 года), которая была важна для них обоих, особенно в эти ранние годы. Она возникла и окрепла на почве близости поисков и идеалов в искусстве. Эта дружба (по словам А. Бенуа — «связь... в общих задачах**»), а также и сама «серьезная переписка» помогали, очевидно, и Кончаловскому и Машкову определить свои позиции, прояснить для самих себя ход собственных «исканий», осознать открытия, которые они совершали в старом и новом искусстве. Письма к Машкову — зеркало этих «исканий», открытий, сомнений, надежд, колебаний.

Расставаясь со старыми привязанностями, Кончаловский противопоставлял себя даже тому, что еще недавно было для него едва ли не идеалом. Отсюда резкость суждений в пись-

мах, резкость выпадов и отрицаний, горячность новых привязанностей, иногда переходящих. Мы не должны забывать также об острой борьбе течений в русском искусстве конца 1900-х годов, а искусством Кончаловского и Машкова 1908 года — это будущее бубнововалетство, складывавшееся в полемике с господствовавшими в то время направлениями, эстетскими и декадентскими движениями. «Все нас объединяла тогда потребность пойти в атаку против старой живописи, — вспоминал Кончаловский, — против «Союза» и «Мира искусства». Существующая живопись казалась всем нам сплошь тривиальной, мешанской, хотелось живописи, приближающейся к средневековым фрескам [...] Это был для всех нас своего рода «период бури и натиска», как при выступлении романтиков»***. Это — резкость самоопределения, не помешавшая в более поздние времена, например, союзу «бубновых валетов» с теми же «миристуниками» (уже в десятые годы) или с Грабарем (ср. ранние письма и письмо 1925 года). Мы должны учесть также сложности общественной и политической жизни той эпохи — периода «затишья освободительного движения, разгула реакции, измен и уныния в лагере демократии», — по выражению Ленина****, — которые могут объяснить нам горечь и пессимизм в некоторых высказываниях Кончаловского о российской действительности того времени. Но все эти резкости не могут заслонить свойственного Кончаловскому чувства высокой ответственности за свое искусство. «Безумно люблю нашу природу, — пишет он, например, в одном из писем 1908 года. — И вот к ней-то надо вернуться крепким и умелым».

Почти все художники прошлого оставляли письменные памятники своей теоретической

* Не следует смешивать с другим значением этого слова: «праерафаэлиты» — английские художники 2-й половины XIX в. (Д. Г. Россетти, Дж. Э. Миллес, Х. Хант, Э. Бери-Джонс и др.), провозгласившие идеалом своего творчества искусство дорафаэлевской эпохи.

** А. Бенуа, Машков и Кончаловский. — «Речь», 1916, 15 апреля.

*** См.: В. А. Никольский, с. 48.

**** В. И. Ленин. Об оценке текущего момента. — Полн. собр. соч., т. 17, с. 271.

работы в виде дневников, трактатов, писем и т. п., свидетельством чему — многоотомный свод текстов под рубрикой «Мастера искусства об искусстве». Письма Кончаловского достойно вписываются в эту традицию.

Более поздние письма П. П. Кончаловского — испанские 1910 года, военные письма, письмо из Парижа 1925 года и другие — не составляют столь обширных циклов. Видимо, переписка в эти годы носила более эпизодический характер. Эти письма будут опубликованы в следующем выпуске «Панорамы искусств».

Письма печатаются по рукописям. Сокраще-

ния (опущены незначительные бытовые подробности) обозначены многоточием в квадратных скобках. В квадратных же скобках даны даты писем, не проставленные автором, и недописанные части слов. По мере необходимости были расставлены знаки препинания.

Письма 1—4-е адресованы в Москву, письма 5—8-е, написанные во время заграничного путешествия Машкова, были отправлены в Италию, 9-е — в Вену, 10—16-е — снова в Москву.

Подготовка писем к печати, предисловие и комментарии И. С. Болотиной.

1908

1

Дорогой Илья Иванович.

Наконец я устроился в Париже и начал работать ¹. Не знаю, возможно ли где-нибудь найти такие удобные условия для работы, как здесь ². Особенно хорошо то, что везде красиво и, надо сказать правду, просто глаза разбегаются. Пока был только в Лувре, Люксембурге ³ и у Дюран-Рюэля ⁴, это известный скульпщик вещей знаменитых импрессионистов — Монэ, Мане, Сислэ, Писсарро, Ренуар и др. Но самого главного еще не видел — это галерея Faucher ⁵, где, говорят, изумительная коллекция Сезанна, Гогена, Ван Гога и других. В понедельник открывается выставка Ван Гога ⁶, о ней напишу позже. Я подавлен впечатлениями — все так свежо, так необыкновенно серьезно. Все действует так, что хочется работать, хочется самому так же глубоко высказаться, как эти люди.

Разница с Лувром, конечно, поразительная: там роскошь и красота итальянского Возрождения, чувствуешь, что искусство только для избранных; здесь, наоборот, красота обыденных настроев и обыденной обстановки, но такая глубокая любовь к искусству, что она вас совсем покоряет. Когда вы узнаете, что все эти люди терпели бедность, не знали славы и с безумной энергией шли каждый своим путем, когда вы узнаете, что женщины писались с солдат, писались столы, апельсины и яблоки, потому что обстановка сама не давала ничего роскошнее, и видите, что все эти предметы получают огромное значение и красоту, вы проникаетесь благоговением к этим людям, они так укрепляют ваш дух — да этого не перескажешь в письме. Я даже не пытаюсь и не хочу сравнивать двух впечатлений — Лувра и коллекций нового искусства, несмотря на то, что в том и другом искусстве есть общие черты — пожалуй, одна: то

1. П. П. Кончаловский приехал в Париж в декабре 1907 г. Это был не первый его приезд во Францию — еще в конце 1890-х гг. в течение двух зимних сезонов он занимался в т. н. Академии Жюльена в Париже.
2. Ср. со словами В. А. Серова из его письма к П. П. Кончаловскому от 13 февраля 1897 г.: «Найдите одно: что один рабочий сезон в Париже равен трем нашим, дорожите этим». Приведено в воспоминаниях О. В. Кончаловской (О. В. Кончаловская. Наш жизненный путь. — В кн.: Кончаловский. Художественное наследие. М., 1964, с. 48).
3. Имеется в виду Люксембургский музей, где были собраны произведения нового искусства и, в частности, с 1896 г. находились знаменитый «дар Кайботта» — коллекция картин импрессионистов и Сезанна, завещанная художником Г. Кайботтом Люксембургскому музею (впоследствии перешла в Лувр).
4. Дюран-Рюэль, Поль (1831—1922) — торговец картинами, владетель галереи, устроитель выставок; покупал произведения импрессионистов и пропагандировал их искусство. Своими усилиями, нередко сопряженными с риском для собственной деловой карьеры, в немалой степени способствовал признанию этого движения и упрочению положения импрессионистов.
5. Вероятно, речь идет о коллекции Гюстава Файе (G. Faucher).
6. В понедельник, 6 января 1908 г., ожидалось открытие выставки произведений В. Ван Гога в галерее Бергейма-младшего — см.: «La chronique des arts et de la curiosité», 1908, № 1 (4 janvier), p. 8 — знаменитой выставки «100 картин Винсента Ван

Париж. Улица Суффло
и Пантеон. 1900-е годы

- Гога», которую П. П. Кончаловский, как свидетельствует В. А. Никольский в своей книге «П. П. Кончаловский» (М., 1936, с. 35), действительно посетил. Но с 6 января 1908 г. экспонировалась и еще одна выставка Ван Гога — в галерее Друэ, 35 произведений (см.: J. — V. de la Faille. The Works of Vincent van Gogh. His Paintings and Drawings. Amsterdam, 1970, p. 691).
7. Как сообщает со слов самого И. И. Машкова А. Аристова (рукопись с биографическими сведениями о Машкове. 1926/27 г., архив Г. Г. Поспелова, М.), Машков во время пребывания в Париже в 1908 г. действительно жил в мастерской П. П. Кончаловского.
8. Видимо, речь идет о Московском училище живописи, ваяния и зодчества. И. И. Машков занимался здесь с 1900 по 1904 г. В ноябре 1907 г., желая после почти трехлетнего перерыва возобновить учение, он ходатайствовал о разрешении «посещать портретно-жанровый класс» В. А. Серова и К. А. Коровина («Прошение» от 17 ноября 1907 г. — ЦГАЛИ, ф. 680, оп. 2, ед. хр. 1604, л. 16). В декабре приступил к занятиям в тексте «Прошения» Училище названо именно «Школой».
9. Эта и последующие даты в письмах 1908 г. указаны П. П. Кончаловским по новому стилю.
10. Здесь и далее подпись П. П. Кончаловского дается по написанию подлинника.

1. Кончаловская (рожд. Сурикова). Ольга Васильевна (1878—1958) — жена П. П. Кончаловского.
2. И. И. Машков относил свое знакомство с П. П. Кончаловским к 1907 г. (см.: И. И. Машков. Автобиография. — В кн.: Советские художники. Т. 1. Живописцы и графики. Автобиографии. М., 1937, с. 193).

и другое прекрасно. Слишком уже велика разница в самой жизни. Прежде я, пожалуй, отдал бы предпочтение Лувру, теперь меня одинаково трогает то и другое.

Но как далек здесь становишься от всех маленьких дряг, которыми кишит наш художественный мир. Здесь они не чувствуются, тут если они и существуют, то как-то растворяются в самой жизни и не касаются вас.

Рисую каждый вечер, академий как у нас церквей или как здесь ресторанов, вы заходите сделать рисунок, как бы выпить стакан вина, платите за это монету и все. Как хорошо! Илья Иванович, приезжайте. Остановитесь у меня в мастерской⁷, там могут поместиться человек 5. Кстати, за мастерскую плачу 15 р. в месяц — 15 — постигаете сей курьез.

Пока все о здешнем. Хочется спросить о Вашей жизни. Начали ли Вы работать в Школе⁸. Как Ваши дела вообще, Ваши настроения — все пишете. Буду Вам много благодарен. Все же я далеко от родины, а ведь у меня русское сердце.

Адрес мой: Paris, 6, Rue Gassendi. A M^eur Kantchalowsky. Желая Вам успеха от души. Искренно Вас любящий
4 января 1908 г.⁹ Петр Кончаловский¹⁰

2

[Конец января — февраль]
6 Rue Gassendi. Paris.

Дорогой Илья Иванович, простите, что так долго не отвечал Вам. Особенно мне стыдно не ответить Вам вовремя, потому что Ваше письмо такое трогательное в отношении ко мне и моей семье.

Я не умею выразить Вам, насколько дорого мне такое отношение, как радостно найти в человеке друга. Мне кажется, что мы с Вами будем действительно друзьями. И я и Оля¹ с первого нашего знакомства почувствовали к Вам самую искреннюю симпатию, которая при дальнейшем нашем знакомстве перешла в любовь. Мне представляется, что я Вас знаю давно-давно², и это, вероятно, потому, что много однородного переживали в жизни как Вы, так и я. Я люблю в Вас художника, искренне и глубоко чувствующего искусство. Илья Иванович! Во что бы то ни стало должны Вы работать! Я живо вспоминаю наши разговоры об искусстве и, вспоминая их, искренне желаю Вам счастья в работе и в исканиях Ваших. У Вас сильная воля, и мне кажется, Вы из тех людей, которых не затреплет жизнь.

Как хорошо будет, когда мы с Вами увидимся и именно здесь. Много уже я видел в Париже. Видел просто чудеса искусства, долу которых увидите и Вы у частных коллекционеров. Приберегу для Вас каталог Ван Гога с его перепишкой и прочтем вместе его письма по поводу его картин. Сколько в них можно по-

3. Михайловский, Александр Николаевич — художник и педагог. С 1907 г. вместе с И. И. Машковым руководил студией живописи и рисунка. Был любителем и знатоком классического искусства. Знакомство с ним Машков расценивал впоследствии как счастливый случай. А. Н. Михайловский открыл для Машкова старых мастеров, которые до тех пор были ему, судя по его собственным признаниям, непонятны («Все их произведения и в том числе произведения великого [...] Рембрандта казалось имели чисто историческую, старинную и потому неполноценную художественную ценность, что могло быть сравнимо с археологическими редкостями, с черепками, костями и утварью людей давних времен». — И. И. Машков в В своих краях. — Отдел рукописей ГТГ, ф. 112, ед. хр. 3, л. 55): Весьма вероятно, что именно Михайловский познакомил Машкова с Кончаловским («Необходимо сказать об одном знакомстве, которое произошло в 1907 г., с другом Михайловского художником П. П. Кончаловским». — И. И. Машков в Автобиография, с. 193).
4. Возможно, это М. С. Родионов (1885 — 1956), художник. Учился в частной школе Рерберга и Михайловского, затем у И. И. Машкова; в 1908—1910 гг. занимался в Училище живописи, ваяния и зодчества у В. А. Серова и К. А. Коровина. Впоследствии был действительным членом и членом правления Общества художников «Бубновый валет»; в советское время входил в «Мавоцэн», преподавал во Вхутемасе — Вхутензе, Московском гос. художественном институте им. В. И. Сурикова.
5. Машкова (рожд. Аренцвари), София Стефановна.

черпнуть! План Вам вышлю завтра же. Я не посылаю потому, что сам не знал, какой план лучше, и не имел возможности узнать. Теперь один господин мне указал лучшее издание, которое Вы и получите. Веревочка с №-ми в плане служит для отыскания улиц, которые вы предварительно отыскиваете в алфавите, скрещивание номеров точно Вас приводит в желаемую улицу. Часто бываю в Лувре и изучаю прерафаэлитов. В них, я чувствую, можно почерпнуть больше, чем в школах законченных, где все совершенно. Боттичелли, Джотто и друг [ие] — это как бутоны цветов не распустившиеся, четкие и бесконечно прекрасные. В них так много мечты, как в самой молодости. Тициан, Веронез, Тинторетто — роскошные цветы, даже осенние, последние, и правда они были последними. И в скульптуре я все гляжу вещи архаические, примитивные, которые прежде мало глядел. А между тем здесь столькому учишься. Ведь на прерафаэлитах вырос и Тициан, и Веронез, и все чародеи Возрождения. Мне бы хотелось много поговорить с Вами по этому поводу, но так устал от целого дня работы, что мысли туго рождаются в голове. Другой раз напишу Вам много.

Работаю много, еще больше начинаю понимать. Дорогой Илья Иванович, пишите мне чаще, если Вам не лень, я буду так рад Вашим письмам. Как работаете, как живете, все интересно. Каковы выставки — их там у Вас «легион».

Поклон Александру Николаевичу³ и Михаилу Семеновичу⁴. Будете писать супругу⁵, привез ей от меня пошлите. Крепко жму Вашу руку. Любящий Вас Петр Канчаловский

P. S.

Обещал Вам план с веревочкой, правда очень удобный, но он оказывается продается у Volp Magché только в декабре месяце к новому году. Купил другой как план самый новый с Метрополитеном (подземный электрический трамвай). Метрополит [ен] обозначен красной линией. Но нет только этой самой ленточки с номерами. Очень жалею, что не мог Вам достать такой. Хотя, в конце концов, это не важно. Еще раз желаю Вам всего хорошего

П Канч [аловский]

3

[Февраль]

Дорогой Илья Иванович!

Что это Вы так грустно и злобно настроены! Я должен был многое припомнить, представить себе, чтобы понять Ваше настроение. Действительно, вспомнишь нашу тяжелую русскую жизнь, где все как-то не гармонично — то грубо, то слишком нежно, почти сентиментально, то бесконечно широко, то скупо, то порывы, то уныние. Вспомнишь это и поймешь, что злобой затмятся глаза и хочется уйти, убежать от этой жизни. Особенно я по-

нимаю Вас и сочувствую Вам. Когда есть в душе свет, а в сердце любовь, когда есть высокие идеалы и нельзя беспрепятственно идти к ним, становится тяжело. Ах! Если бы Вам удалось пожить здесь годик-другой, Вы бы многое поняли, много усвоили. Я не говорю о понимании искусства — это дело чувства, Вы с ним родились, но не это понимать научает Париж. Париж учит работе. Он учит ценить и чувствовать мгновение в жизни. Он такой большой, такой серьезный, что мелочи жизни тонут в нем и ваша душа сбрасывает все не нужное, он освобождает вас от всего мелкого, от всех дрызг. Тут всем нет время тратить на пустяки, все идет к делу тому или другому. Я не умею выразить того, что хочу, потому многословен. Здесь становишься спокоен и холодно смотришь на то, что так мучает и портит кровь у нас, что так отвлекает от своих личных идей, желаний, идеалов! В Париже остаешься один с своими мечтами и воплощением их. О! Как бы я хотел пожить здесь возможно дольше! И я это сделаю — я хочу воспитать в себе твердого работника. Сколько радости, сколько счастья в осуществлении своей мечты! И скольких мук и страданий стоит это осуществление. Неужели же нужно страдать из-за чего-то другого. Искусству нужно отдать все. Всю радость и все страданье. Дорогой Илья Иванович, не умею Вам рассказать, что чувствую, что думаю. Приедете, мы поговорим долго за кружкой доброго французского вина. Что касается того, чтобы оставить побольше на осмотр с Вами, я так и сам решил. Я мало куда хожу, больше работаю. Все посмотрим вместе, дорогой мой. Непременно приезжайте прямо ко мне, извозчику скажите: Six rue Gassendi près de Lion de Belfort. Скажите ясно, и он Вас привезет прямо к моему подъезду. Адрес остается тот же во всяком случае. Пишите мне, дорогой Илья Иванович, я так радуюсь Вашим письмам. Олечка [...] Вам кланяется. Супруге поклон от обоих. Жму руку.

Поклон А. Никол.¹

Любящий Вас Петр Канчаловский

4

[Конец февраля — март]

Дорогой Илья Иванович, получил Ваши оба письма, и мне особенно стыдно перед Вами, что я не ответил Вам на первое письмо. Особенно стыдно говорю потому, что на такое сердечное письмо надо отвечать немедленно. Дорогой Илья Иванович, Вы простите мне все же, так как я так завален работой, так стараюсь воспользоваться Парижем, что занят даже вечером. Даже не успеваю посмотреть то, что надо было бы, затягиваясь в работу. Приближается весна, и я спешу возможно больше подготовить себя в работе, чтобы хоть немного суметь сделать то, что чувствую.

1. А. Н. Михайловский

Весна здесь будет, конечно, необыкновенная, а окрестности Парижа просто восхитительны. Чем больше я живу здесь и втягиваюсь в жизнь свободную и красивую, тем мне грустнее думать о возвращении домой. Весьма сомнительно то, что я вернусь зимой, по крайней мере буду стараться всеми силами остаться здесь. Польза, с которой я провожу здесь время, громадна, и потому я считаю себя правым не останавливаться ни перед чем, только бы подольше остаться.

Я давно не был в галереях, музеях и магазинах картин, т [ак] к [ак] работаю, стараюсь пережить все мною воспринятое на холстах, пишу буквально все, что вижу и что попадается. Учусь все это выразить просто и идейно. Кое-что удовлетворяет, а то, что не удовлетворяет, то не мучит меня как прежде. Я полон веры в себя, и это мне дает силы. Следующую неделю решил поработать в Лувре, взял уже разрешение. Там я буду рисовать греческие примитивы — они многое объясняют, в них есть свобода. Работой в Лувре я думаю, кроме того, внимательно изучить его хоть немного. Но Боже мой, как летит время. Уже 3 месяца пролетели как одно мгновение. Как много надо работать, дорогой мой Илья Иванович. Какой ужас у нас в России, как много там пропадает врем [ени]. Здесь научаешься ценить его, пользоваться им.

Взглянул в окно — передо мной Париж, залитый солнцем, всех цветов экипажи снуют по улицам, весело бегут люди, плющ вьется по стенам, легкие голубые тени домов соединяются с голубым дымчатым небом, деревья, хотя голые, но уже с налившимися почками, везде цветы... Беда как хорошо. Скорее, скорей сюда, дорогой Илья Иванович, то-то будете счастливы.

Никому, как Вам, я не желаю этого счастья. Вы по-настоящему будете всем этим наслаждаться. Через неделю я думаю съездить в кое-какие маленькие городки около Парижа. Здесь через 1½ часа езды все уже совершенно дико: скалы и леса, замки средневековья, старинные города — вот что влечет меня. Весной все это в цвету, у меня замирает сердце, когда подумаю об этом.

Те настроения, которые вы чувствовали в картинах Моне, Сезанна, Дегаза, Ван Гога и Гогена, здесь воспринимаешь от жизни и еще больше понимаешь этих великих людей. Дышать этим воздухом, теплым и ароматным, видеть это высокое-высокое небо, цветы повсюду — Боже мой, это ли не счастье.

Пишите, когда Вы решили здесь быть и сколько приблизительно останетесь. Я буду жалеть, если мало.

Я многое оставляю для Вашего приезда, чтобы посмотреть вместе. Возможно, что съездим в какой-нибудь провинциальный городок постариннее, чтобы увидеть, какова Франция внутри. В 1½ часах от Парижа есть лес Фонтенбло, где жили Коро, Милле, Руссо, барбизонцы и другие начинатели нового фран-

1. Шукин, Сергей Иванович (1854—1937) — известный московский собиратель новой французской живописи. После революции его коллекция легла в основу Первого музея новой западной живописи (с 1923 г. — 1-е отделение Гос. музея нового западного искусства); впоследствии произведения Шукинского собрания перешли в Гос. музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина и в Гос. Эрмитаж. Очевидно, речь идет о полотнах Клода Моне, входящих в его знаменитую серию, посвященную Руанскому собору. В собрании С. И. Шукина было два пейзажа из этой серии (оба с 1902 г., как любезно сообщила нам Е. Б. Георгиевская) — «Руанский собор в полдень» и «Руанский собор вечером» (обе картины 1894 г., ныне в ГМИИ).
2. Видимо, П. П. Кончаловский говорит о картине «Чайки. (Река Темза в Лондоне. Здание парламента)», 1904; с 1904 г. в собрании С. И. Шукина, ныне в ГМИИ.
3. Тархов, Николай Александрович (1871—1930) — живописец; жил во Франции, был членом Союза русских художников.

цузского искусства. Сестра и кое-кто еще рассказывали мне чудеса об этой местности и городках, которые в ней расположены. Я думаю, что Вы не откажетесь заглянуть и туда. Сегодня видел несколько вещей Моне у Дюран Руэля: 3 Собора того же, что и у Шукина ¹, цветы (астры), Лондон и две марины — его старинные вещи. Марины удивительны, особенно одна. Теперешние вещи сыроваты вроде Лондона у Шукина ².

Часто вживусь с Тарховым ³, он удивительно милый человек, и мы с ним в хороших отношениях.

Дорогой Илья Иванович, другой раз напишу Вам хорошо и много, я как-то утомлен немного работой и не хочется думать. Кланяется Вам Оля и желает успеха и скорейшего выезда к нам.

Крепко жму Вашу руку и страстно желаю увидеться.

Ваш искренно любящий
Петр Канчаловский

5

1. 31 марта или 1 апреля (по старому стилю) И. И. Машков выехал за границу — 31 марта он получил заграничный паспорт, который был отмечен 2 апреля в Александрове и Торне (см. письмо И. И. Машкова директору Училища живописи, ваяния и зодчества, начало июля 1908 г. — ЦГАЛИ, ф. 680, оп. 2, ед. хр. 1604, л. 31). В анкете, заполненной в 1930-е гг. и находящейся теперь у М. И. Машковой, М. И. Машков называл датой своего отъезда 23 марта; эта дата указана в нашей книге «Илья Машков», М., 1977, но она опровергается приведенными выше косвенными данными. Машков побывал в Германии (Берлин, Дрезден, Нюрнберг, Мюнхен), затем жил в Париже, посетил Лондон и 6 июня (нового стиля) прибыл в Мадрид. Из Мадрида он поехал в Италию («Утром завтра еду из Мадрида в Геную, Милан, Флоренцию, Рим, Неаполь, Венецию, Вену и домой»). — Письмо И. И. Машкова от июня 1908 г. — ЦГАЛИ, ф. 680, оп. 2, ед. хр. 1604, л. 19).
2. Очевидно, речь идет об одном из пейзажей с пальмами, написанных в Сан-Максими — «Сан-Максим. Пальмы», «Юг Франции. Пальмы», «Пальмы» (собств. семьи художника).
3. В письме к делопроизводителю Училища живописи, ваяния и зодчества Виктору Николаевичу Духшту И. И. Машков, обращаясь за помощью, так описывал эти «неприятности»: «Дело в следующем: 6 июня (нов. ст.) приехал моя компания в Мадрид [...] Купили билеты на Вай Бьков, были очень усталые, и утром в воскресенье встали и отправились гулять по городу. Погода и воздух очаровательны. В 1 ч. дня спохватился я, а у меня оказывается очистили

[Конец июня — начало июля]

Дорогой Илья Иванович.

Ваши открытки я получил одну в Париже, перед самым отъездом, другую уже далеко от Парижа. На письмо, которое Вы написали из Италии ¹, я не отвечал, потому что не знал, куда Вам писать. Можете представить себе, я не очень далеко от Вас, я попал на южный берег Франции между Тулоном и Ниццей, а именно в местечко Ste Maxime. Здесь я пробуду не долго, пока не закончу того, что начал, а именно дивный тропический сад ². Потом переберусь в другое место, еще не знаю куда, и оттуда уже напишу Вам свой адрес. Милый Илья Иванович, как Вы устроились с Вашими неприятностями ³ и как Вы путешествуете. Напишите мне побольше. Лично я не могу Вам писать много — весь ушел в работу, сосредоточен, а о работе писать не хочется. Вы же путешествуете, смотрите, получаете массу новых впечатлений и могли бы поделиться со мной. Если Вы тотчас же получите мое письмо, то отвечайте по следующ[ему] адресу: Var. Ste Maxime-sur-Mer, Hôtel du Commerce, мне. Я пробуду здесь числа до 10-го, если не получите сейчас, подождите, я Вам дам адрес во Флоренцию. Благодарю Вас за галстуки, которые Вы мне прислали — очень красивые они.

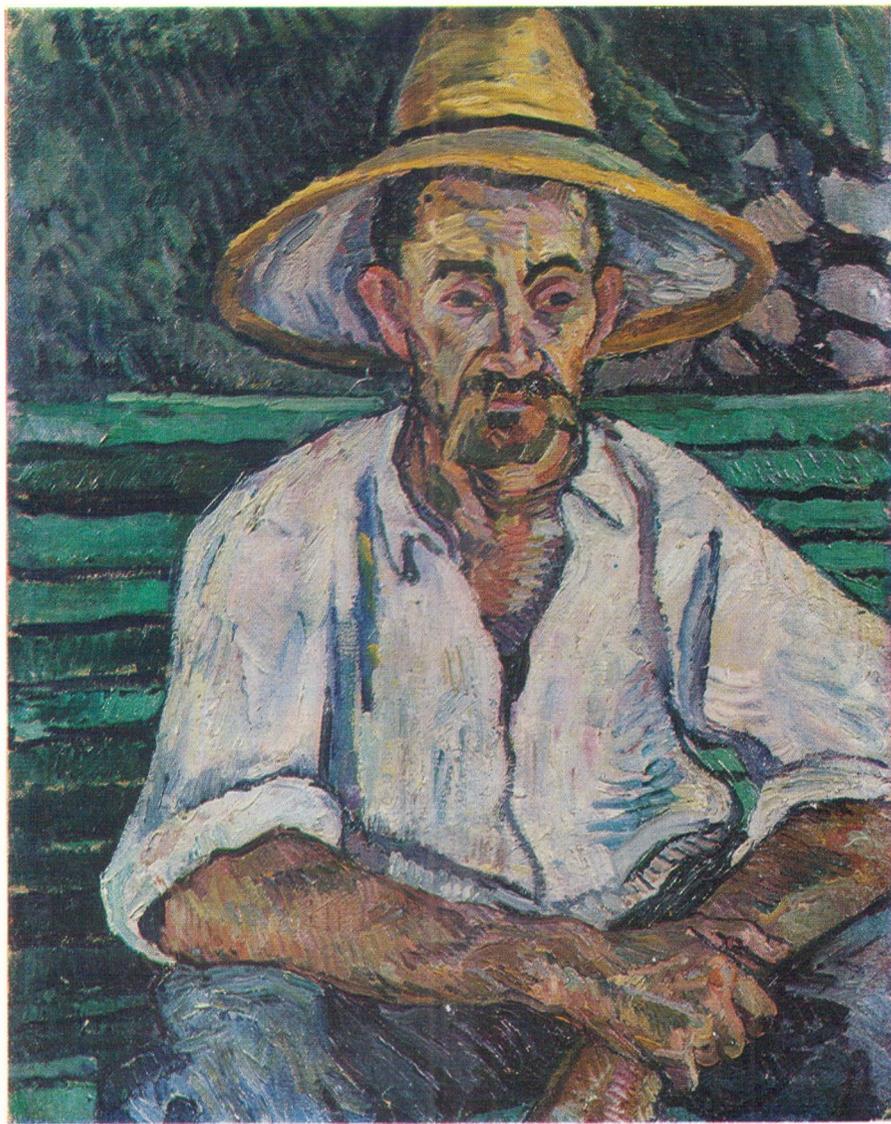
В чудной стране Вы сейчас находитесь, желаю Вам в ней как можно больше пожить, посмотреть и почувствовать. Пока до свиданья, крепко Вас целую. Писать что-то не могу — устал от работы, а главное от мыслей. Еще раз целую. Жена Вам шлет свой привет.

П. Кончаловский

П. Кончаловский
Сан-Масим. Пальмы. 1908

П. Кончаловский
Садовник, 1908

Париж. Итальянский
бульвар. 1900-е годы

карман. В бумажнике было: 1). Аккредитив (на деньги). 2). Паспорт заграничный. 3). Билет училищный. 4). Письмо от Директора (о том, чтобы содействовали мне в моих изуч[ениях] иск[усства]. 5). Письма и записки. Одним словом, все документы. [...] Обращался в полицию 2 раза, полиция испан[ская] вроде нашей [...]» (Письмо И. И. Машкова от июня 1908 г.— ЦГАЛИ, ф. 680, оп. 2, ед. хр. 1604, л. 19). И. И. Машков просил дирекцию Училища выслать ему взамен утерянных новые документы, но все эти «неприятности» не помешали ему продолжить путешествие.

1. Судя по всему, имеются в виду художники Проторенессанса и раннего Возрождения.

2. В церкви Sant'Onofrio имеются фрески Пинтуриккио и Перуцци. Фресок Леонардо да Винчи в монастыре нет. Видимо, П. П. Кончаловский говорит о фреске «Богородица с донатором», вероятно работы Чезаре да Сесто, который, по выражению Вазари, удачно подражал Леонардо (Д. В а з а р и. Жизнеописание наиболее знаменитых живописцев, ваятелей и зодчих, т. IV, М., 1970, с. 493). Здесь же в письме нарисовано, как пройти к Sant'Onofrio от площади св. Петра, и следует поясняющий текст: «Уличка в гору сюда и идите ей еще; дерево, где всегда сидел Torquato Tasso».

6

[Июль]

Дорогой Илья Иванович,

получил Ваше письмо в двух конвертах и несказанно ему обрадовался. Обрадовался я особенно за Вас, что Вы много видите и переживаете. Как хорошо Вы сделали, что не миновали Италии, что держались Вашего плана. Читая Ваше письмо, я точно сам вижу Италию с ее великими красотами. Как был бы я счастлив быть с Вами и видеть все это. Хотя мне не время сейчас, у меня другой период и, может быть, мне понадобится совершить такую же поездку, но позже. Вот о чем я невольно подумал, когда читал Ваши восторги перед фрескистами¹: хорошо, что Вы видели до них Ван Гога, Сезанна и других освободителей нашего времени. Если бы Вы видели фрески эти раньше, мне кажется, Вы совершенно бы иначе их восприняли. А именно, Вы бы восхищались ими как вещами историческими больше, чем как произведениями великого искусства. (Мне очень трудно изложить мою мысль, но я все же попробую). Не буду заранее говорить, что так бы почувствовали Вы, возможно, что и нет. Но я вспоминаю себя перед прерафаэлитами, пока я еще не видел ни Ван Гога, ни Сезанна. Я чувствовал их красоту, их дивную наивность, но думал, что настоящая живопись другая, что мы должны исходить из художников, которые были после них. Поэтому они, собственно говоря, развивали во мне только чувство красоты и бесследно пропадали в смысле науки. После же наших последних художников можно просто учиться на прерафаэлитах. Действительно, если Сезанн и Ван Гог показали, что самое ценное в искусстве — сохранение ребяческого чувства, не забитого условностями, созданными долгими веками, если они показали, что освобождение от всех этих традиций есть истинный смысл настоящего искусства, этим одним они открыли для нас целый мир образцов в тех самых фресках, которые теперь перед Вами. В начале я сказал, что думаю, что и Вы вынесли бы от фресок другое впечатление, чем теперь, потому что вспоминаю Вас в Москве перед заграничей в начале нашего знакомства, когда казалось мне, Вы больше всего грезили Тицианом и Веласкесом. Еще раз вспомню себя лет 5—6 тому назад в Риме в церкви Sant'Onofrio на Яникуле перед фресками, кажется, Анжелико — сейчас не помню (ради бога, пойдите туда, это не далеко от Св. Петра. Тут в этом монастыре жил поэт Торквато Тассо, и монах покажет Вам его комнату с фреской Леонардо де Винчи)². В этой церкви есть целый ряд фресок над алтарем и над дверью два ангела летящих. Так вот, я обожал эти фрески, они, вероятно, производили на меня самое сильное впечатление, но я был скован ценами последующего искусства, и, когда в душе где-то глубоко звучало «Вот какое искусство, вот что надо», никто не шепнул мне: «Дерзай, все можно». Это «дер-

зай» сказали мне теперь Ван Гог, Гоген. Вот вопрос, так ли было бы с Вами, опять повторяю, возможно, что нет. Само время, конечно, Вас воспитало уже иначе: 6—7 лет разница большая. Все же я думаю, что и Вы до некоторой степени были бы скованы. Теперь совсем другое — последние остатки, налеты на Вашей душе были уже сняты в Париже, и Вы свободный стоите перед свободными художниками. Час Вам добрый, Илья Иванович. От всей души приветствую Вас. Напишите мне, прав ли я, так ли думаете Вы. Напишите, были ли Вы в S. [O] поггю до моего письма и пошли ли после, если не были. Теперь напишу Вам, что было после Вас в Париже. С А. Н.³ были мы, смотрели Сезанна и Ван Гога. Я не удержался и повел его потому, что он бросил торговаться Веласкесом. Это меня покорило. Я не верю, конечно, в его глубокое перерождение, но потом я заподозрил в себе, что это не благородно скрывать то, что существует для всего мира, и подумал, что я не прав перед Ван Гогом, не говоря, где он находится.

Эти строки об А. Н. Вы вычеркните, если не уничтожите мое письмо, подобные вещи не пишутся на бумаге, и я Вам их хотел бы сказать только. Были мы в театре не особенно интересном. Расстались очень хорошо. Дайте слово, что вычеркнете те строки — иначе не пошлю их. Затем я работал, вот и все. Работаю и по сию пору. Пишу божественные южные сады с пальмами и какими-то чудовищными цветами и растениями⁴. Пишу и чародея — садовника этих садов — странное существо, которое я назвал Рабом Солнца⁵. Он его обожает и боится, любит и ненавидит, прячется от него и вечно перед ним. Какие руки, Боже мой! Должен идти на работу, пока до свиданья. Дорогой Илья Иванович, крепко целую Вас за письмо Ваше. Пишите. Олечка Вам шлет привет и пожелания.

Ваш любящий

Петр Кончаловский

Отвечайте сейчас же в Ste Maxime.

7

Дорогой Илья Иванович, пишу Вам во Флоренцию, т[ак] к[ак] по моим расчетам письмо Вас не застанет ни в Милане, ни в Болонье. Ваше письмо я получил довольно поздно, т[ак] к[ак] уехал из St. Maxime'a и дня 3 не давал туда адреса, чтобы мне его переслали. Несколько дней я истратил на переезд, устройство и отыскание местности. Теперь все кончено, но только относительно семьи, сам я, вероятно, буду разъезжать время от времени, очень есть интересные вещи вокруг и надо их посмотреть. Но адрес постоянный вот он: Le Lavandou, Var, villa Montapard, мне, France [...] По этому-то адресу Вы мне и пишите. Пальмовый сад, который я писал в S. Maxime, совсем истомил

3. А. Н. Михайловский

4. См. прим. 2 к предыдущему письму

5. «Садовник», 1908, собр. семьи художника.

1. «Художник не может иметь всего сразу. Если он прицепит хотя бы одно новое звено к цепи, начатой до него, то и этого уже достаточно».— Гоген. (Художники Запада). По Мейер-Грефе составлено В. Цветаевой.— «Искусство», 1905, № 3. Несомненно, что П. П. Кончаловский знал это издание. Ср.: «Художник не рождается цельным, из одного куска. Пусть он внесет новое звено в уже начатую цепь,— этого уже много».— В кн.: Мастера искусства об искусстве, М., 1969, т. 5, ч. 1, с. 171).

2. Очевидно, 21 июля нового стиля.

меня, и я несколько дней не могу писать. Все думаю, в голове и сердце какие-то неясные мечты и образы, не могу в них разобраться и их выяснить. Иной раз так устаю от мыслей, что не хотел бы и думать, а так просто существовать. Много передумал я и по поводу Вашего письма, и многое хотелось бы Вам написать, но и здесь мне трудно собрать свои мысли. Очевидно, работа напряженная требует человека всего. Когда пишешь, когда копаешься в каком-то кусочке, то даже жутко становишься от существования всего того искусства, которое Вы сейчас имеете счастье видеть. Как трудно выковать то самое звено для общей цепи — искусства, о котором говорит Гоген¹. Как трудно, чтобы оно было крепко и надежно, и пришлось как раз к этой цепи.

Я Вам очень благодарен за Ваше письмо, многое я представлял совершенно так, как Вы пишете, многое иначе. Все же люди понимающие, лучше сказать — одаренные пониманием, приходят к одному. Во многом Вы имеете преимущество передо мною, во многом я перед Вами. Но не думаю, что мое преимущество в работе. Иной раз это вред. Я не говорю о теперешнем. Теперь, я думаю, мне работа необходима. Вам, милый Илья Иванович, тоже именно теперь. Я страшно желаю, чтобы Вам удалось возможно больше работать. Если мне придется вернуться в Москву эту зиму, то будем работать вместе.

Вы меня простите, что я так мало пишу Вам. Обещаю много написать, ибо я много чувствую, но сейчас не могу — я Вам это сказал раньше. Боюсь, что мои короткие ответы расхолодят Вас, и Вы перестанете писать Ваши длинные дорогие мне письма. Ради Бога, пишите, я Вам отплачу тем же. Крепко Вас целую и благодарю. Желаю Вам расти в работе теперь и догнать в ней Ваше понимание. Вы это сделаете, у Вас много сил. Прощайте, еще раз Вас целую. Олечка Вам шлет привет. Видели ли S. [O]nfrío?

Ваш Петр Канчаловский

Le Lavandou 21 Ju...²

В Милане и Болонье не был и ничего там не знаю.

8

[Открытка, посланная 3 августа 1908 г. из Ле Лаванду в Венецию]

Дорогой Илья Иванович.

Посылаю Вам 100 fr. в Вену переводом (mandat-carte). Вы их получите на главной почте вместе с моими открытками.

Целую Вас крепко и желаю всего хорошего. Хорошо придумали явиться в Москву шикаррем.

Петр Канчаловский

Париж. Вид на здание Оперы.
1900-е годы

9

{Две открытки (письмо на двух открытках), посланные 3 августа 1908 г. из Ле Лаванду в Вену}

1. Дорогой Илья Иванович, посылаю Вам 100 фр. в Вену до стробования на главную почту. Ввиду того, что у меня денег в обрез (я сам взял у Алекс[андра] Николаевича), я прошу Вас сделать следующее. Если Вы получите деньги в Вене, то из России мне пришлите по адресу, который я Вам напишу в Москву; раньше получения моего письма не посылайте мне денег. Если Вы денег в Вене не получите, т. е. они Вас не застанут, то все-таки из России Вы мне пришлите 100 fr., так как эти деньги вернутся ко мне через два месяца, и Оле нельзя будет выехать. Тогда я Вам отдам их по приезде в Россию.

2. Поняли ли, Илья Иванович, в чем дело. Во всяком случае, значит, Вам придется мне послать из России 100 fr., получите ли Вы мои 100 fr. или нет. Когда получите, то напишите в Lavallois. Деньги же пошлете тогда, когда я Вам напишу адрес. Вы не сердитесь, что я прошу их немедленного возвращения, я сам в обрез окончательно.

Целую Вас крепко, дорогой Илья Иванович. Олечка Вам шлет привет.

Ваш любящий Петр Канчаловский

10

22 авг[уста] нового стиля

Дорогой мой Илья Иванович, очень Вас благодарю за деньги. Но, голубчик мой, Вы еще хотите выслать 100 fr. Я ведь обойдусь с этими. Зачем Вы себя-то стесняете. Как чувствую Вашу счастливую душу, полную восторгами красот неземных. Не могу даже передать Вам, что переживаю я сейчас. Пишу портреты в таких восхитительных комнатах. Крашенных то голубым, то зеленым, то розовым. Дивный южный свет самые дисгармоничные сочетания приводит к такой удивительно радостной гармонии, что перестаешь быть на земле. Работаю с напряжением, иной раз просто с болью, так хочется выразить и передать все это. Трудно словами описать красочную гармонию. Форма от света, который охватывает все, даже самые темные углы комнат, перестает быть ощутимой, и только легкая линия обрисовывает предмет. Все цвет дивный, безумно яркий и в то же время нежный. Здесь ли не работать! Корзина ли, веер, чашка, стул — все здесь дает счастье глазу. Вы это должны были видеть в Италии. И те художники, которые там родились, конечно, передали это. Потому-то мне так дороги сейчас принципы прерафаэлитов, которые отбросили форму и как дети обводили контурами свои образы и красили их неземными кра-

сками. Уверен я, что такой же свет и в Японии. Где светло, там форма дает место цвету. Дорогой мой, мне многое хотелось бы сказать Вам из того, чем я живу, но не умею я выразить. Холодно и плоско выходит все на бумаге, тогда как в душе кипит ключом.

Только что вернулся с работы и снова сажусь за письмо. Устал здорово, круто иной раз приходится. На комоду у меня лежат персики — совершенный Сезанн. Все дожидаются, когда я их напишу. Страшный соблазн даже после Сезанна. Но так занят лицами, что не могу никак до них добраться. 7-го сентября нового стиля надо посылать вещи в Salon Осенний. Кое-что у меня есть, отправлю туда. Там общество интересней. Mang[u]in¹, Satoin², Dupui[s]³ и т. д. Не знаю еще, что пошло.

Жутковато, дорогой Илья Иванович, возвращаться в Россию. Поотвык я от нашей жизни, отвык от дряг. Как это все навалится на плечи. Ух, как неприятно. Мы с Вами устроим работу как следует. Правда поработаем? У меня самые отчаянные замыслы. Только бы удалось найти что-нибудь вроде мастерской, комнату хотя бы большую, а уж я бы ее привел в надлежащий вид. Илья Иванович, дорогой мой, какие здесь лица, если бы знали, кованые какие-то, их надо рисовать гвоздем прямо. Такая твердость линий — глаза, носы, челюсти, все это прямо скрипит. Но и характер тяжеловатый — не попросишь позировать. Что помягче — еще можно, а настоящий тип трудно подается. Все это время до сбора винограда я буду писать лица, а там буду отправляться за город писать сбор винограда. Нельзя представить разнообразия тонов у листьев винограда, и все это с малиновыми гроздьями чудно красиво. Люди все темные, обожженные солнцем. Корзины винограда — картина опьяняющая. К 5-му сентября я буду в Париже, уже провожу Олечку домой, а сам через месяц после нее, значит, приблизительно в начале нашего октября, буду в Москве. Итак истекает мой срок, мое житье парижское. Жаль мне, дорогой мой, хотя я люблю Россию и скучаю по ней.

Пишите мне сюда, дорогой мой друг, до 4-го сентября нового стиля я буду в Арле. Письмо идет очевидно дней 5. Когда будете метить число на письме, обозначьте, какой стиль — новый или старый.

Все же я очень обеспокоен тем, что Вы мне посылаете 100 fr. Если Вы еще не послали, то и не надо, дорогой мой, мне теперь вполне хватит. В Италию я не знаю смогу ли еще поехать. Не знаю даже, готов ли я сейчас воспринять все как следует. Много видел и я в этот приезд в Париже, и сейчас много и сильных впечатлений. Конечно, итальянское искусство скорее успокаивает, чем тревожит, но я сейчас такой нервный, сам не знаю отчего. Иной раз не сплю ночами и все думаю. О чем? Об этом мы наговоримся с Вами, любимый Илья Иванович. Крепко Вас

1. Манген, Ари Шарль (1874—1943) — французский художник, принадлежал к группе фовистов. Участвовал в выставке «Осеннего салона» 1908 г.
2. Камузи, Шарль (1879—1965) — французский художник, принадлежал к группе фовистов. Участвовал в выставке «Осеннего салона» 1908 г.
3. Дюлои, Жорж (1875—?) — французский художник, примыкал к фовистам. В 1908 и 1909 гг. экспонировал свои работы на выставках «Салона независимых». Судя по каталогу, в «Осеннем салоне» 1908 г. участия не принимал.

целую и очень люблю искренно, по-настоящему. Низкий поклон Вашей супруге. Оля все еще на море с детьми.

Ваш Петр Канчаловский
Arles-sur-Rhône. Place du Forum, restaurant Perret, мне. [...]

11

[11 сентября]

Дорогой мой Илья Иванович! Получил Ваше письмо в Париже. Адрес остается тот же самый, так и пишете. Все Вам напишу через несколько дней, теперь собираю Олечку и нет ни минуты времени. Идет уборка и разборка. У портного все расспрошу. Но не думаю, что хорошо сошьет без Вас. [...] Итак, через несколько дней напишу. Оля выезжает в воскресенье. Сегодня пятница.

Целую.

Любящий П. Канчаловский

12

[Сентябрь]

Дорогой мой Илья Иванович, вот я остался в Париже совсем одиноким, Олечка уже в России. Могу теперь поговорить с Вами обо всем. Я резюмирую свое пребывание за границей, осматриваю Париж, в котором видел так мало за работой. Работать уже не придется много, т[ак] к[ак] напоследок надо многое увидеть.

Портного спросил, он, конечно, с удовольствием берется сделать Вам. Пальто не советую делать, т[ак] к[ак] на вате здесь не делают, и выйдет не по сезону, а в Москве можно шить, показавши фасон. Шапок решительно не носят, только шляпы всю зиму. Итак, сделайте один костюм. Насчет галстуков советую взять не много, но хороших, что я сам сделаю и для себя. Фотографии я привезу, только прошу Вас написать мне еще раз какие. В постоянных переездах не могу припомнить, куда я спрятал записочку с рисунком Дюрера. Чем тщательнее прячешь, тем труднее находишь. [...]

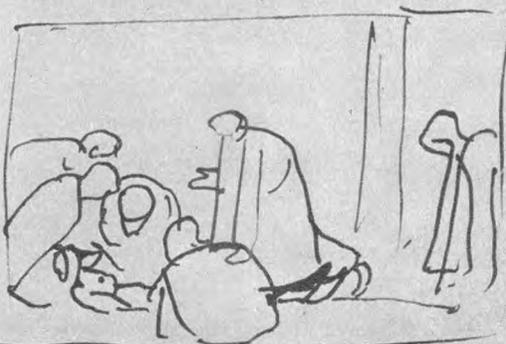
Значит, я Вам напишу, что я Вам куплю:

- 1) 3 дорогих галстука
- 2) 3 галстука супруге
- 3) Фотографии Гольбейн и Дюр[ер]
- 5) Пиджачную пару

[...]

Сон Ваш оправдывается: к началу октября буду в Москве, и мы увидимся. Вот будет приятное свидание. Я не буду много писать Вам теперь, чтобы сосредоточеннее все осмотреть, а через месяц массу поговорим.

Милое сердце. Видишь
 и такое тебе виденье на небо
 и отприваляется душа твоя
 Прииди в село все твое
 Милое село прекрасное.
 Это судитя сокровища, в
 купели ты видешь в
 вещь, если да ты бы сража
 ввильней и в светилых.

Видишь
 она спод
 Тоскою
 мать.
 но в не
 пошито

Ветвь описи и расей описи
 их. по базисе виграйт тебе
 в динель роды. Консепту
 в медь селв асели.
 Боисе мой парот. Воспорт.
 Нотис погда слия захотит
 в итсиди и не работот.

Илья Иванович, открыл магазин всех фотографий с произведений Ван Гога, Гогена, Сезанна, каждого до 300 штук. Но уж очень дороги. Кажется, все бы купил. Никому не говорите — Вам привезу, если хотите, под строжайшим секретом, стоят по 5 fr. Хотел Вам об этом не говорить, а прямо сделать подарок, но потом, думаю, быть может, Вы тоже будете жалеть, что не купил больше. Что-то удивительное. Если хотите, пришлите денег на них и я вам привезу. Себе куплю одних, Вам других — тогда у нас будет разнообразная коллекция. Относительно ма-стерской еще не знаю, как сложится денежный вопрос. Поговорим дома. Пока до свиданья. Целую Вас крепко.

Ваш Петр Канчаловский [...]

13

[2-я половина сентября]
Пятница

Дорогой Илья Иванович, как это Вы не получили моей открытки, которую я Вам написал тотчас по получении Вашего письма. После нее я Вам написал еще письмо с объяснением всего, что нужно для снятия мерки для пиджачной пары¹. Сегодня был у своего портного, и он мне дал Notice для снятия мерки. Тут нарисовано все, для пиджака снимать так же, как для сюртука, только, конечно, длина короче. Сюда Вы впишите все сантиметры [...] Материю выберу замечательную на 110 fr. Очень модно вся синяя, но я себе не сделал — слишком деликатна, а Вам будет хорошо. А если не хотите, то можно выбрать что-нибудь новомодное с искрой. Дело в том, что синяя — очень заметны пятна. Дорогой мой, я Вам все написал в прошлом письме. Не наглажусь напоследок на Париж и с горечью еду в Россию. Только утешает меня то, что будем с Вами друг друга поддерживать. О фотографиях В[ан] Г[ога], Гогена и Сезанна писал уже, Немного сейчас работаю, но уже такой усиленной работы быть не может. Сегодня видел дивную вещь Гогена. Боже мой! Это какая-то сказка, что-то необъятное, далекое. Все суетно и тревожно кажется после этого величавого спокойствия природы и дикого человека И дикий человек у Гогена такой добрый, такой человечный, что жесткими кажутся наши европейские лица. Не могу резюмировать моих впечатлений: это — очарование. Краски — это жемчуг, изумруды и сапфиры, но и они вульгарны в сравнении с гогеновскими. Это — божество. Да еще видел не виданные мною до сих пор портрет Сезанна и яблоки его же. Портрет неопишуем, живопись — это дуновение. Лицо восторг, но я колеблюсь перед ним вот почему: оно слишком nature morte, но это и качество его в то же время. Если я признаю, что так и должно быть, то это восхитительно, если не при-

1. Речь идет о предыдущем письме (№ 12). Перечень «всего, что нужно для снятия мерки» нами опущен.

П. Кончаловский. Париж.
Улица. 1908

П. Кончаловский. Париж.
Улица Гассенди. 1908

знаю этого, то остается еще желать что-то. Что же касается всего вокруг, руки например, это свыше сил! Яблоки писаны грузно, очаровательны по тону — но Сезанна я люблю, когда он только дышит на холст.

Что же я найду в России. Я даже хочу в нее, я мечтаю писать свою жизнь — мотивы опережают один другой в голове моей, и вдруг жестокое воспоминание о нашем рабстве всеобщем. Можно ли кричать обо всем в той стране, где запрещено говорить шепотом. Ведь эти запреты упали на все и на искусство тоже. Там надо говорить осторожно. А кричать можно только ура! И кричит, например, Малявин² ура или скорее караул нашей русской жизни. А другие перешептываются или низко кланяются. Мое разгоряченное воображение скверно рисует

2. Малявин, Филипп Андреевич (1869 — 1940) — художник.

3. Средин, Александр Валентинович (1872—1934) — художник круга «Мира искусства», писал интерьеры старинных дворянских усадеб.
4. Сомов, Константин Андреевич (1869—1939) — художник, один из ведущих мастеров «Мира искусства».
5. Борисов-Мусатов, Виктор Эльпиди-форович (1870—1905) — художник.
6. И. И. Машков занимался в это время у В. А. Серова (1865—1911) в портретно-жанровом классе Училища живописи, ваяния и зодчества. После возвращения Машкова из заграничной поездки 1908 г., когда в его живописи обозначился явный перелом, отношения между учителем и учеником резко обострились, хотя впоследствии «Машков имел случай обрадоваться тому, как учитель его принял, поверил ему, как стала заполняться трещина, легшая было между ними» (А. Бенуа. Машков и Кончаловский. — «Речь», 1916, 15 (28) апреля). П. П. Кончаловский предугадал здесь будущий конфликт. Надо заметить, что к этому времени уже определилось «неизбежное расхождение, холодок в отношениях» между В. А. Серовым и самим П. П. Кончаловским (см. В. А. Николаевский и П. П. Кончаловский, с. 32), чья юность прошла «в тесном общении с В. А. Серовым и К. А. Коровиным» (см. О. В. Кончаловская. Наш жизненный путь, с. 52). Подробнее о взаимоотношениях В. А. Серова и И. И. Машкова см. в кн.: В. Серов в воспоминаниях, дневниках и переписке современников. Ред.-сост., авт. вст. ст., очерков о мемуаристах и комментариев И. С. Зильберштейн и В. А. Самков. Л., 1971, т. 1, с. 87, 477, т. 2, с. 87—91.

мне мою родину, и я так тоскую, что скоро и из меня сделают серого раба, лишь только я перееду границу.

Раб начинается в таможне, когда жандарм спросит паспорт. Вы не подумайте, что я затрагиваю наше политическое положение. Мы уже далеко двинулись в этом отношении (скорее не мы, а народ), но сидит где-то это тихое рабство. Сидит оно в ампирах Сред[и]ных³, даже Сомовых⁴ и Мусатовых⁵. Это все запрещенная жизнь! Ах, как отвык я от нее. Илья Иванович, понятно ли говорю я, понятно ли Вам мое чувство. Разве Вам позволит шалить, скажем, тот же Серов, если Вы его не придавили раньше⁶. Никола! Когда Вы его уже прижали, тогда орите караул, и он будет вам отвечать ура. Разве Вам можно в России любить Сезанна или Гогена, Вы должны любить свое русское, а эти шалости надо бросить и не опоздать выставить. Не буду больше расстраивать Вас и себя. Вдохну, что есть здесь светлого и высокого, и постараюсь прибыть с маской презрения на лице, другого выхода нет. И колоссальная выдержка и колоссальная вера и любовь должны сопровождать въезжающего в Россию. Надо быть гранитным. Итак, я готовлюсь к путешествию. В прошлом письме я Вам все написал о покупках, присылайте расписание.

Целую Вас искренно и крепко, дорогой мой друг. Люблю Вас за многое, многое. Через месяц увидимся. Привет мой Вашей супруге.

Любящий Петр Канчаловский

Оля уже в Москве, я Вам писал. Отвечайте.

14

[Октябрь]

Дорогой милый мой Илья Иванович, радостью наполнилось мое сердце, когда я получил твое последнее письмо, где твое горячее сердце подсказало тебе, что мы можем быть близкими до конца, до полного братства. Ты не можешь себе представить, как хорошо мне было здесь, вдали от родины, услышать твое «ты». Благодарю тебя от всей души. Много и грусти я испытал, читая твои строки, потому что я не вернусь теперь и не увижу тебя так скоро, как мечтал. Я в данный момент совершенно не в силах вернуться домой, не могу прервать важного момента в моей жизни, в моей работе. Я как никогда чувствую, что далек от своей задачи, от своей мечты, и во что бы то ни стало решил осуществить ее. Это решение — мое счастье. Ты угадал. Я волнуюсь безумно, и, оставаясь здесь, я во сто крат больше люблю свою родину, свои милые родные лица, и во мне исчезает вся злоба против всего, что я считаю скверным и подлым на своей родине. И так меня волнуют два чувства — *счастье*, что я остаюсь и иду вперед к той мечте, которая живет в душе моей, и

печаль расставания с дорогими людьми. Я свято верю в то, что разлука наша еще больше скрепит нашу дружбу, еще больше мы будем нужны друг другу. Ты будешь писать мне много обо всем, что тебя волнует и радует, будешь поддерживать во мне связь с моей родиной, в которой я так много пережил и так много люблю. Отсюда мне видно, что в ней есть непочатый клад для художника, клад чудных неведомых гармоний, радостных и печальных, диких, как наша вся страна, и тонких и трогательных, как наша печаль. Только бы уметь взяться за это и магическим движением кисти заставить всякого почувствовать ее. Когда я увидел себя в Салоне ¹, я понял, что с такими силами еще рано, невозможно рано мне вернуться в Россию. Для того, чтобы укрепить свои силы, мне необходима зима в Париже на самый худой конец. Все, что я работал здесь до сих пор, угнетено оставшейся несвободой, которую я привез из России на своем хребте, и только в последних работах чувствуется освобождение. В Салоне же я еще раб. Это я говорю только тебе, с кем я искренен до конца.

Мои вещи, к сожалению, висят рядом с Грабарем ², и я должен не смотреть на него, чтобы мочь сравнить себя с Матиссом и другими восхитительными французами. Ты помнишь, как я начинал здесь, ты видел стремление мое к силе цвета, последние вещи много сильнее еще, и что же — в Салоне они серенькие. У моего соседа Грабара нет совсем тона, нет гармонии и краски остаются красками. Но какой восторг Матисс. Это целая буря гармоний. Ни одной картины в одинаковой гамме, все разные и все великолепные. Есть 2 штуки для Щукина: одна аршина 3, другая — 1 ¹/₂, обе натюрморт, но совершенно особенный, это даже нельзя назвать натюрморт ³. Это какая-то музыка, дикая и культурная в то же время: Мороз подирает по коже, и становится жутко. Какой восторг, если бы ты знал только. Мне приходит в голову твое наблюдение, что не хорошо, когда слишком много поэзии. Это верно ты сказал о Мусатове. Слишком размягчается душа, пропадает твердость и крепость духа, и русские и тут встают против Матисса. Он их, видишь ли, не трогает, он не аристократ, он ругается как ломовой извозчик. Я даже ни слова не отвечал на это, уж очень все это скучно и давно известно. Матисс, по мне, не трогает, а рвет на части — этого не выносит русское сердце. Малявин — этот действительно пускает по матери, но от этого никому ни тепло, ни холодно, а Матисс, как коршун, вырывает сердце Прометея. В нем вся культура отразилась, и она не растлила его, а, наоборот, сделала гранитом. Все это мог я сказать тем русским (их тут много), которые выкрикивали своими пискливыми голосами свои обычные заученно-русские мнения. Но я молчал, милый мой друг, и выяснял, что такое Матисс по истине. Ах, как высоко стоит здесь искусство. И хочется у себя иметь такое же, у себя, где

1. «Осенний салон» 1908 г. П. П. Кончаловский был представлен четырьмя полотнами: «Садовник», «Зеленые ставни», «Пейзаж» (вероятно, «Сан-Максим. Пальмы», 1908 — см.: Кончаловский. Художественное наследие, стр. 92, № ЖИ-45), «Портрет» — см.: Société du Salon d'Automne. Catalogue des ouvrages de peinture, sculpture, dessin, gravure, architecture et art décoratif exposés au Grand Palais des Champs-Élysées. Du 1-er Octobre au 8 Novembre 1908. Paris, 1908, p. 139 (№№ 1041—1044).

2. Грабарь. Игорь Эммануилович (1871—1960), — художник, историк искусства, музейный деятель; член «Союза русских художников». В «Осеннем салоне» 1908 г. экспонировалась его картина «Дельфиниум» (1908, ныне в ГРМ).

3. Речь идет о картинах «Красная комната» («Десерт. Гармония в красном»), 1908 (ныне в Гос. Эрмитаже) — № 898 по каталогу «Осеннего салона», под названием «Rapeau décoratif pour salle à manger» и «Статуэтка и вазы на восточном ковре», 1908 (ныне в ГМИИ) — № 897 по каталогу «Осеннего салона», под названием «Nature morte, tapis d'Orient». Обе картины были куплены С. И. Щукиным у А. Матисса в 1908 г.

Париж. Площадь Согласия.
1900-е годы

так много не тронутого — только надо мыслить и уметь мыслить. Сейчас совсем не могу работать, все нарушено в душе, многое надо переждать и пережить. Но вера твердая и в душе радость. Да, Матисс уже приковал надежное звено к цепи того искусства, о котором говорит Гоген ⁴.

Разве я не писал тебе, что посылаю в Салон, мне кажется, что об этом я писал тебе еще в Арле ⁵, если нет, то только забыл, но никак не скрывал. Приняли меня очень хорошо — это ты должно быть знаешь уже от Олечки. К сожалению, я попал в зал с нашими союзниками ⁶, и это мне досадно. Хотя в смысле выгоды хорошо среди них, представь, я выигрываю, хотя и не достоин, в России висеть с ними рядом.

Итак, дорогой мой, передо мной открывается год полный работы и надежд. Как друга тебя это обрадует, и ты будешь терпеливо ждать меня, как я буду с восторгом ждать нашего свидания. Дорогой Илья Иванович, так искренно и крепко люблю тебя, что больно мне надолго еще быть в разлуке. Счастливым, что ты будешь работать, ты такой молодой и сильный, что сделаешь все, что хочешь. А я буду писать тебе обо всем, что проходит перед глазами, об искусстве и жизни европейской. На днях видел 13 Гогенов, описать не возможно их, это какой-то далекий неведомый сказочный мир. Какая-то чистота светится во всем, точно человек только что родился на свет божий и смотрит вокруг на загадочную жизнь, предчувствуя в ней и радость и горе. О живописи и говорить нечего — ты ее знаешь по шукинским произведениям. Она так же чиста, как Джотто и другие прерафаэлиты. Забыл сказать о Матиссе: он пишет драгоценными камнями — красок нет у него на палитре, есть изумруды, опалы, рубины и другие природные богатства. Он — дьявол. В Салоне есть отделение финляндских художников. Удивительно цельное впечатление. Художники по жизни близки русским, но гораздо цельнее, не чувствуешь никакого влияния, все свое. Это дает большую пищу уму, и много приходится подумывать об этом вопросе.

Вообще в Париже мысль никогда не застаивается, и если даже не работаешь, работа незаметно идет сама собою — ну как же уехать отсюда. Мне страшно жаль, что тебя нет здесь со мной, что ты связан школой, мастерской и деньгами. Но я совершенно уверен, что вот-вот придет и твой черед, и ты возьмешь здесь все, все. Конечно, твоя поездка дала и даст тебе многое, только бы была возможность работать без конца. Я с восторгом узнал, что это тебе удастся. К весне я вернусь, и мы обязательно проведем лето в работе. Правда? Думаю, что именно летом это исполнимо, когда мастерской служит вся природа, когда можно работать отдельно, а вместе проводить время и делиться впечатлениями.

Я тоже думаю, что в одной мастерской работать трудно, осо-

4. См. прим. 1 к письму под № 7.

5. См. письмо из Арля от 22 августа (№10).

6. Кончаловский говорит о членах «Союза русских художников». В «Осеннем салоне» 1908 г., судя по каталогу, кроме И. Э. Грабаря из членов этого объединения участвовали Л. С. Бакст (№79 по каталогу — «Tegor Antiquus», 1908), Н. А. Тархов. Экспонировались также работы К. С. Петрова-Водкина, А. А. Киселева, К. В. Кузнецова и других русских художников.

7. См. письмо под № 12.

бенно, когда люди растут, делаются самостоятельными и вышли из ученического возраста. Фотографии я тебе куплю и пришлю только тебе — условие ⁷. Да?! Пару тоже пошлю, пошланы рублей 6—7 — это пустяки, зато будет красиво.

Чудные здесь есть английские пальто для нашей осени, это можно будет привезти потом. Они идут на всякий рост, сшиты страшно широко, и можно носить и мне и тебе одно пальто — до такой степени разумно они скроены. Сейчас опять иду в Салон, я был два раза, но мало видел — так много там хорошего. Еще похожу несколько раз, а потом оставлю Салон и займусь работой — нашел себе ателье, меньше теперешнего, но теплое и сухое, на Montragnasse'e. Здесь немного далеко от центра. Мастерских очень мало, и трудно найти. Дело не в мастерской в конце концов. Итак, дорогой милый друг мой, будем работать эту зиму и ты и я, и много сделаем. А весной крепко обнимем друг друга и будем счастливыми. В следующем письме напишу тебе мой новый адрес. Пиши пока сюда: 51, R. St. Jacques. Благодарю Софью Степановну за поклон, низко ей кланяюсь. [...] Еще раз крепко, крепко целую тебя, любящий тебя друг твой Петр Канчаловский.

Называю тебя Илья Ив[анович], потому что так чувствует ухо, а Илья просто звучит чуждо. Я никогда ни от кого не слышал, чтобы тебя звали Илья, оттого твой образ у меня связан с Ильей Ивановичем.

15

29 Octobre

Дорогой Илья.

Собрался написать тебе — не знаю, куда уходит время. То работа, [то] устройство для работы — за день так устанешь, что вечером только бы до постели добраться. Ужасно я рад, что ты много и серьезно работаешь. Я снова взялся за науку, каждый вечер рисую 2 часа, и очень мне это помогает. Буду писать модель и лицо у себя. Многое надо выяснить в самом себе, уйдя даже от жизни на некоторое время. «Уйти от жизни» я понимаю под этим вот что: заняться формой и цветом, выражением линии, найти самое простое и решительное для того, чтобы уметь сказать то, что хочет душа. После всей работы, которую я теперь вел до сих пор, мне хочется уметь так, чтобы для меня не было ни малейшего сомнения в том, что только так я могу и должен делать. Поэтому как ученик самый жалкий и ничтожный я снова сажусь за грамоту, но это грамота моя собственная. Как никогда я почувствовал, что ничего я не умею, и такое дьявольское желание овладело мной «уметь». И вот я принял решение месяца 3 писать только в этом смысле. Не зарекаюсь — быть может налетит полоса, и я снова очутюсь на улице или в саду, но это уже

не моя воля. Я столько красоты вижу в теле, в его линии, в гармонии и цвете, что ты не подумай, что я задался какой-нибудь сухой материей. Жизнь Парижа слишком действует на мои нервы, она слишком не спокойна, а лето мне дало какие-то другие образы, величавые и спокойные. К ним-то мне и хочется вернуться, пройдя сквозь работу, которую я предпринял. Вот тебе, мой друг, обо мне, если тебе интересно знать.

Что же написать тебе о французском искусстве — оно так же хорошо, так же много в нем ищут и находят, как всегда. Но я слишком занят своей мечтой, чтобы мог говорить о нем. Познакомился с Матиссом и пойду к нему послезавтра поговорить и посмотреть его вещи. Меня это больше бы интересовало раньше, но теперь я так наполнен своими мыслями и мечтами, что при всем интересе к этому художнику не могу относиться уж с очень большим рвением ¹. На днях зашел за красками в магазин и там увидел чудную фотографию. Я прямо воскликнул — это Джотто, но вещи я никогда этой не видел. Узнал я его по духу, по неземной красоте и неимоверной силе. Я осведомился, можно ли достать его здесь, оказывается нельзя, и я его выписал из Падуи. В жизни не видел красивее вещи. Трогает до слез. Глядишь, и точно тебя взяли на небо, и открывается душа, чтобы принять в себя все, что только есть прекрасного. Это снятие со креста ². Неужели ты видел эту вещь, если да, то ты счастливейший из смертных. Взята она, сколько помню, так ³. Но я не помню всех фигур и расположения их. Но общее впечатление в этом роде. Кажется, в небе есть ангелы. Боже мой, какой восторг. Вот когда мне захотелось в Италию, и не работать, а глядеть, глядеть без конца. Милый мой друг, дорогой Илья, правда, мы с тобой поедem туда. Сейчас я настолько утомился от этой жизни в Париже, от всей работы, которая шла внутри меня, что я не мог бы сейчас поехать туда. Но через год, когда все впечатления улягутся, как было бы хорошо! Но вот беда, ты тогда захочешь в Париж работать!

Ничего, как-нибудь споемся. Как хорошо, что ты теперь устроился так с работой. Воображаю, какое счастье для тебя работать после твоей поездки, когда многое открылось душе твоей. Желаю тебе самого большого успеха.

Пиши мне, что делаешь, если не секрет — чего добиваешься, чего ищешь. Твои мысли мне дороги и, поверь мне, что я не обижу в тебе твоих чувств. Пиши же о себе больше.

Мне хорошо здесь очень, но я частенько скучаю по родным лицам — ведь уже год, как я не вижу России, и мне страшно иной раз быть таким оторванным от родной жизни. Но это, конечно, минуты. Незаметно за работой пролетит зима, и мы свидимся. Тогда и Россию вместе посмотрим — как снега сбегут, как подымутся зеленые озими. Безумно люблю нашу природу. И вот к ней-то надо вернуться крепким и умелым. Ну, что Бог

1. В подлиннике письма зачеркнуто — «интересом».

2. Джотто. «Оплакивание Христа». Фреска Капеллы дель Арена, Падуя. Ок. 1305 г.

3. Далее в письме идет рисунок.

4. Выставка А. де Тулуз-Лотрека экспонировалась в октябре в галерее Бернгейма-младшего.

даст, а я постараюсь. Пока до свиданья. Целую тебя крепко, любимый мой друг. Пиши мне чаще. Иной раз напишу и об том, что здесь появляется в искусстве. Сейчас выставлен Тулуз де Лотрек ⁴, но о нем до другого раза.

Целую еще раз.

Любящий Петр Канчаловский.

Поклон Михайловскому. Что он? Как?

Письмо твое на старый адрес получил.

16

Воскресенье 29 Nov.

Дорогой Илья, чувствую страшное утомление не от работы даже, а от дум. Все здесь так захватывающе, так несется вперед, что мысль не ухватывает всего, а сердце стремится. Работаю я много, целый день, кроме тех случаев, когда совершенно устану, тогда хожу по Парижу, но это бывает редко, на последях овладела мной какая-то жадность ненасытная, и я форсирую себя. Ну ничего, в России будет спокойнее, там на досуге разберусь во всем, а здесь — вперед! Много пишу лиц и рисую натуру каждый день. Хочу знаний, ибо без них все искания не ощутимы. И так я работаю то бурно, то строго. Строго в смысле рисунка.

Боже мой! Какой восторг Джотто. Каждая твоя открытка ¹ мне дает целый мир, и я часто хожу на Rue Buonaparte смотреть фотографии с его божественных фресок. Здесь рядом с ним я открываю и Чимабуз, который меня восхищает своей силой и строгостью, как Джотто бесконечной невыразимой поэзией. Решил вернуться в Россию, захавал к ним в Падую, Флоренцию, Ассизи и т. д. ². Об этом пока молчок. Спасибо тебе, дорогой мой, за джоттовскую открытку и за Taddeo Gaddi. Эту я знаю и, помню, еще в первое посещение мной Флоренции я убивался над этой композицией с парусом ³. Помню и джоттовские флорентийские фрески, вписанные в какие-то не то крестообразные ниши ⁴. Но падуанского Джотто не видал и безумно хочу увидеть.

Дорогой мой, ты не сердись на меня, но я так утомлен, что совсем не могу писать тебе ни о здеишем искусстве, ни о художниках. Быть может, найдет полоса, когда я буду спокойнее и все расскажу тебе не торопясь. Приеду я в Россию в январе, и мы тогда обо всем поговорим. В Москве я поступлю к тебе в школу ⁵ на рисование и буду прилежно учиться, а может быть, состряпаем наброски. О! Какая важность рисование — только теперь постигаю это. Как-то случайно я увидел здесь журнал «Искусство» с Врубелем и Мусатовым, Сомовым и нашими новейшими корифеями ⁶. Как все это слабо. Впечатление, что

1. Известные нам 3 открытки 1908 г., посланные И. И. Машковым П. П. Кончаловскому (собств. М. П. Кончаловского. М.), — все с репродукциями фресок Джотто из Капеллы дель Арена в Падуе. На открытке от 5 августа 1908 г. с пометкой «Венеция — Вена (пишу в вагоне)» воспроизведена сцена «Вознесения». Машков пишет: «Посылаю Вам почтовую фотогр. карточку, т. е. эту открытку с сверхгениального художника (дивная фреска). Этот Джотто — очарование, единица самая большая за все века, я еще Вам несколько пришлю, для Васкупил. [...] Еще пришлю Таддео Гадди, всего шт. 8». В открытке из Москвы от 29 октября читаем: «Дорогой Петя, спасибо тебе за письмо — едем вместе в Италию. Посылаю фотографию с фрески моего Бога — едем непременно к его там расцелуем [...] В Падуе я видел больше 40 фресок его». На лицевой стороне открытки, где воспроизведен «Вход в Иерусалим», Машков приписал: «На ослике сидит сам Джотто, а перед ним предводитель живописцев всех веков подставляют свои произведения, чтобы он по ним проехал».
2. В открытке от 21 ноября (4 декабря), видимо, посланной в ответ на это письмо, Машков писал: «Дорогой Петя! Сейчас получил от тебя письмо. Восхищаюсь твоим планом, а я-то останусь сиротой, какая досада... меня разжигает зависть, какой ты будешь счастливец. Боже мой! Зачем так складывается??? Ну так милый мой друг, умились также и за меня, когда увидишь рай небесный.

Надеюсь, этой открыткой я как бензину в твой огонь подолью. Скоро напишу письмо, крепко целую не раз. Илья». На открытке воспроизведена фреска Джотто «Омовение ног».

3. Очевидно, Кончаловский говорит о фреске в Испанской капелле церкви Санта Мария Новелла во Флоренции, изображающей спасение Иисусом Христом св. Петра при кораблекрушении. Описание этой фрески имеется у Вазари в его жизнеописании Таддео Гадди (см. Д. Вазари. Жизнеописания наиболее знаменитых живописцев, ваятелей и зодчих, т. I. М., 1956, с. 356; илл. 99).

4. Очевидно, фрески Джотто в церкви Санта Кроче во Флоренции.

5. Речь идет о студии И. И. Машкова.

6. «Искусство». Журнал художественный и художественно-критический. (Редактор-издатель Н. Тароватый), 1905, очевидно №№ 3 и 4. В № 3 воспроизведены работы с московской выставки «Союза русских художников», в том числе произведения М. А. Врубеля («Жемчужина», «Кампанулы», «Снегурочка»), К. А. Сомова («Куртизанки», «Echo du temps passé», «Кокетка в старости»), В. Э. Борисова-Мусатова («Призраки», «Изумрудное ожерелье», «Парк погружается в тень», «Последний день»), И. Э. Грабаря («Интерьер», «Утренний чай»), С. Ю. Судейкина («Эрот»), рисунки М. В. Добужинского и др. В № 4 — произведения с выставки Московского товарищества художников — работы М. А. Врубеля, В. Э. Борисова-Мусатова, Н. Н. Салунова, С. Ю. Судейкина; Павла Кузнецова («Мотня гобелена», «Тоска. (Мотня гобелена)», «Северный гобелен», «Вечер»), П. С. Уткина, В. Д. Милиоти и др.

едва-едва все держится, а последние корифеи плачевны. Какая строгость должна быть в искусстве!

Если у тебя есть время, пиши мне, пожалуйста. Я все же один, и не знаешь ты, какое счастье дают мне твои письма.

Дорогой мой любимый друг, не сердись на меня за краткое послание и малоинтересное. Не плати мне тем же и шли свои пылкие письма, я так люблю их. Целую тебя и желаю счастья в искусстве, счастья во всем.

Петя.

На вопросы ответу после — есть из них такие, которые требуют многих страниц, поэтому до другого раза их откладываю. Ответу на 7-ой, 8-ой и 9-ый. Вещи в Москву не пошлю и выставлять не буду. Почему? Объясню потом.

Холст: 2 1/2 листа желатину на 1 ст [акан] воды, промазать совсем горячим этим составом, промочив холст насквозь.

Затем, когда высохнет, на 5 стаканов этой же смеси положи 3 ст [акана] мелу и 2 ст [акана] гипсу. Горячим, но не кипящим промажь холст, постоянно мешая смесь. Получишь дивный холст, если сделаешь все точно.

7-ой. Приеду в январе и увижусь с тобою. Как я рад видеть тебя, ты не можешь себе представить. То-то расскажем друг другу свои души. Фотографии куплю попозже, когда будут деньги или, лучше сказать, когда останутся. Я все же фотографии не люблю. Ну а несколько куплю.

Целую еще и еще

Любящий тебя

П. Канчаловский